

ЯНГЛЯЕВА Марина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119019, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 9; marinapavlikova@mail.ru)

МЕТАСМЫСЛ «ВЛАСТЬ» В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕДИАГЕОГРАФИИ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа интереса современного общества к метасмыслу «власть». Выявлены новые аспекты реакции социумов на практики реализации политической власти в различных странах. Анализ осуществлен на основе методов политической медиагеографии – нового направления политологии, в основе которого лежит изучение социально-политических процессов в системе медиaprостранств. На примере потребления метасмысла «власть» мировой интернет-аудиторией автор демонстрирует потенциал нового подхода к анализу больших данных, что позволяет критически осмыслить эффективность стратегий политической власти и поведение электората в различных странах.

Ключевые слова: политика, политическая медиагеография, метасмыслы, власть, ментальный ландшафт

Современная революция в системе массовых коммуникаций¹ предопределила тот факт, что в интегративной структуре политики резко выросло значение политического дискурса – совокупности текстовых и речевых коммуникационных практик, выражающих и транслирующих политические представления, идеи, намерения, действия и отношения субъектов политики. В терминах медиалогии это можно назвать генерацией контента, в терминах политологии, философии, идеологии и социологии – производством и обращением политических смыслов. Закономерен вопрос: каков сегодня размах производства и, главное, потребления политического контента?

Следует исходить из очевидного: система существования смыслов является динамичной, она разворачивается во времени и пространстве. Системы смыслов могут иметь свою скорость трансформаций, причем системы смыслов в политике в содержательном отношении, как и в культуре, могут меняться в историческом масштабе времени чрезвычайно быстро [Николайчук, Янгляева, Якова 2021]. Комплексный анализ потребления политических смыслов, циркулирующих сегодня в информационном пространстве, позволяет выявить объективные тенденции потребления обществом идеологий и ценностей, воздействующих на мировоззрение современного человека во всем многообразии. Для подобного анализа целесообразно использовать потенциал такого нового научного направления как *политическая медиагеография*. Мы впервые вводим в научный оборот это понятие и обозначаем им (если говорить предельно кратко) прикладную политологическую дисциплину, предназначенную для изучения актуальных политических и социальных процессов в мире на основе анализа совокупностей упорядоченных во времени эмпирических данных по публикациям печатной прессы, аудиовизуальных и онлайн-медиа (анализ динамических рядов [Николайчук 2015] в привязке к пространственным координатам информационного поля). Иными словами, методическим ядром политической медиагеографии является подход, когда специфика поли-

¹ В последние годы имела место очередная НТР, которая определила новый информационно-технологический уклад жизни человечества.

тических процессов и явлений рассматривается через призму анализа функционирования медиасистемы в конкретных географических локациях различного иерархического уровня (на глобальном уровне, на уровне макрорегиона, страны, региона, населенного пункта и т.д.). При этом реальность раскрывается в ходе обращения к таким категориям общей медиагеографии, как ментальное пространство, ментальный ландшафт¹, морфоскульптуры² [Якова, Янглева 2019]. Политическая медиагеография впервые ставит вопрос о специфике и разнообразии политических и социально-общественных процессов в системе иерархических и/или линейных медиaprостранств. Современная политология уже не может игнорировать тот факт, что имеется сильнейшая анизотропия реакции населения на политические процессы и прерогативы власти по географическим локациям. Подобные социально обусловленные различия в решающей степени зависят от смыслов, транслируемых глобальными и региональными медиа, и от особенностей потребления этих смыслов гражданами – резидентами территорий.

В данной работе исследуется метасмысл «власть», который, как и другие социокультурные константы, такие как «Бог», «добро», «зло», «любовь», «ненависть», «богатство», «бедность», «свобода» и др., соотносится с культурным кодом нации. На основе изучения количественных характеристик *big data* анализируется динамика запросов интернет-пользователей всего мира в системе *Google* на большом отрезке времени (более 10 лет) по темам, маркирующим смысл «власть», при этом полученные данные сопоставляются с результатами рангового анализа и количественного анализа текстов. Мы исходим из нового понимания интернет-библиометрии и активного интернет-поведения индивидуумов, которое учитывает массовый интерес пользователей к различным темам, что выражается в числе запросов по тем или иным ключевым словам или фразам за определенный период времени³.

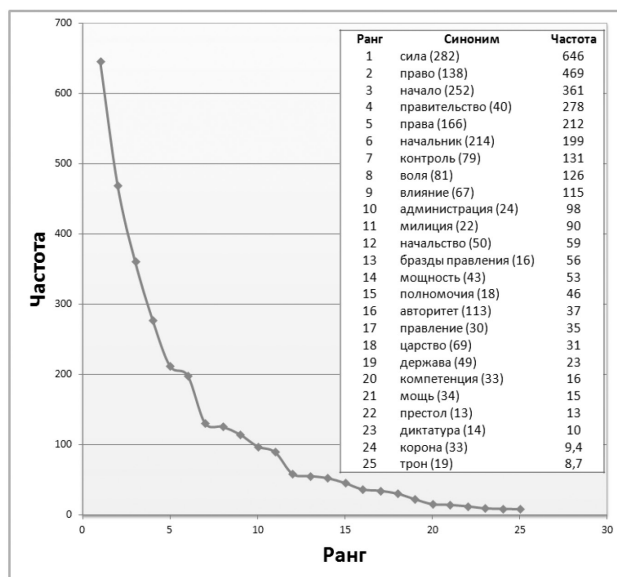
Метасмысл «власть» принято определять как возможность навязать свою волю другим людям, даже вопреки их сопротивлению. В современном русском языке по частоте встречаемости слово «власть» занимает 216-е место. Отметим, что соседями этого слова в списке самых частотных слов русского языка является «история» (214-е место), «закон» (217-е), «война» (219-е), «Бог» (220-е).

¹ Ментальный ландшафт можно рассматривать как образ мыслей, отношение к каким-либо общественно значимым явлениям и процессам резидентов определенной местности, территории, где образ мыслей, ментальность суть система отношений с социальной реальностью. Ментальный ландшафт, как и физический, изменяется во времени. И если физический ландшафт является результатом трансформации природных ресурсов, то ментальный ландшафт – это результат трансформации духовного и материального мира человека, общественной идеологии и символов государства.

² Ландшафт относится к самостоятельной морфоструктуре и характеризуется сочетанием различных морфоскульптур, т.е. ему соответствует определенный геоморфологический комплекс, который связан с однородным геологическим фундаментом и однотипным характером экзогенных геоморфологических процессов. Подобным образом мы можем говорить и о ментальном рельефе, и об общественном сознании, которые соотносятся со специфическими морфоскульптурами конкретного места и формируют ментальный ландшафт.

³ Приложение *Google Trends* аналитического сервиса системы *Google Analytics* показывает, как часто определенный термин ищут по отношению к общему объему поисковых запросов в различных регионах мира и на различных языках. На горизонтальной оси основного графика представлено время, а на вертикальной – как часто термин искали по отношению к общему числу поисковых запросов во всем мире. Если запрос выходит на уровень тега или темы, это значит, что количество запрашиваемой информации статистически большое (запросы многочисленны, устойчивы, формулируются по-разному, но вокруг одного предмета), и на основе анализа запросов искусственный интеллект начинает форматировать и предлагать свои версии лексических единиц, что позволяет резко увеличить точность выдачи.

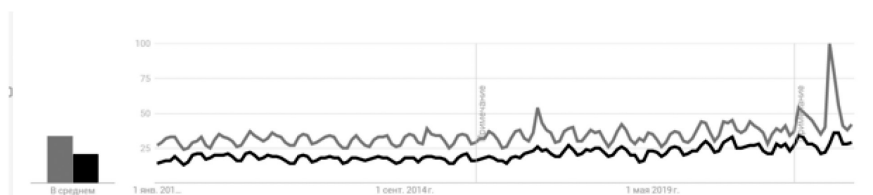
В тексте из миллиона слов слово «власть» встречается 436 раз, что можно считать высоким показателем. У этого слова есть 135 синонимов (см. рис. 1), где в прикрепленной таблице даются первые 25 слов из списка), причем главные синонимы – «сила» и «право». У слова «власть» имеется 41 антоним; самый распространенный из них – «свобода».

Примечание. Расчеты автора. Исходные данные – электронный словарь синонимов *synonim.org*. В прикрепленной таблице цифры в скобках рядом со словами означают число существующих синонимов для данного слова. Параметр «частота» – частота встречаемости данного слова в тексте-корпусе из миллиона слов.

Рисунок 1. Ранговое распределение частоты встречаемости в русскоязычных текстах синонимов слова «власть»

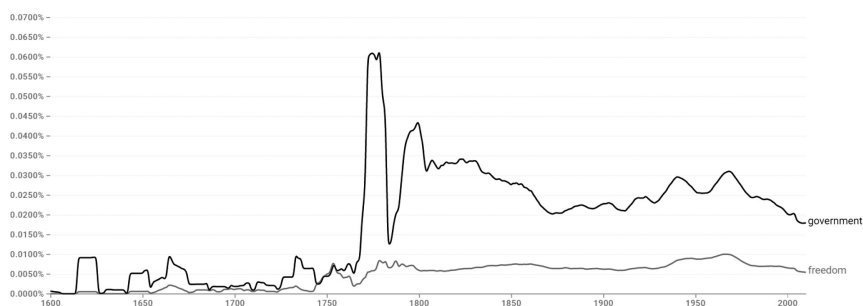
Вопрос о степени своего рода подсознательной зависимости человека от власти и о его стремлении к свободе можно решить, исследовав характеристики языка общения пользователя со Всемирной паутиной. На рис. 2 изображена динамика относительной популярности запросов «власть – тема» и «свобода – тема» за последние 13 лет. Как видно, популярность запросов про власть в 1,6 раза выше, чем про свободу. Причем в 2022 г. наблюдается явный пик интереса к теме «власть», что мы связываем с обострением политической борьбы в разных странах мира на фоне энергетического и других кризисов. Укажем здесь, что данные термины связаны преимущественно с общественно-политическими метасмыслами – исключены техницизмы на разных языках, названия продуктов массовой культуры и пр., т.е. учтена только специфика наук об обществе.

Примечание. Система *Google*. Настройки запроса: период с 01.01.2010 по 27.02.2023. По всему миру. Дата запроса: 27.02.2023.

Рисунок 2. Динамика относительной популярности запросов «власть — тема» (верхняя линия) и «свобода — тема» (нижняя линия)

Однако, как следует из рис. 3, исторические тренды соотношения использования слов, маркирующих метасмыслы «свобода» (*freedom*) и «власть» (*government*), например, для США со всей очевидностью показывают, что свобода для американцев не столь важна, как власть (правительство).

Примечание. Сервис *Google Books Ngram Viewer*. Дата запроса 30.12.2021.

Рисунок 3. Частота употребления слов *freedom* (нижняя линия) и *government* (верхняя линия) в национальном корпусе англоязычных текстов США за период с 1600 по 2009 гг.

Сравним мощности морфоскульптур «власть» и «свобода» на ментальных ландшафтах различных государств при помощи анализа запросов интернет-пользователей разных стран мира по темам «власть» и «свобода» и сгруппируем полученные данные по отношению относительной популярности запроса «власть» к запросу «свобода» (индекс В/С) для различных стран¹.

1. В первой группе стран – США (3,17), Таиланд (2,33), Бразилия (2,13), Великобритания (2,03), Польша (2,03), для которых индекс В/С равен 3,5...2,0, что означает, что метасмысл «власть» в ментально-философском отношении [Тюгашев 2018] сегодня явно доминирует над «свободой». Показательно, что Соединенные Штаты Америки, чей образ в других странах ассоциируется с бескомпромиссной борьбой за различные свободы, на самом деле, если ориентироваться на интернет-статистику, являются святилищем религии власти.

¹ Расчеты автора. Система *Google*. Исходные данные за период с 01.01.2010 г. по 04.11.2021 г. Дата запроса 04.11.2021 г. Результаты упорядочены по возрастанию.

Примерно такая же ситуация характерна для демонстративно свободолобивой Польши. Высокие показатели индекса для Таиланда и Великобритании можно объяснить исторической традицией – в этих странах сохраняется монархическая форма правления.

2. Вторая группа – это страны, для которых индекс В/С лежит в диапазоне 1,99...1,0 (Швеция – 1,86, Казахстан – 1,81, Аргентина – 1,70, Мексика – 1,63, Германия – 1,56, Финляндия – 1,50, Беларусь – 1,38, Россия – 1,33, Испания – 1,17). Они характеризуются (при всех оговорках) известным балансом между системой власти, гарантирующей внутривластную стабильность, и гражданской активностью. Здесь есть авторитетные и жесткие лидеры, или же существует устойчивое доверие к сложившейся легитимной системе правления, способной предотвращать рост протестных настроений. В таком контексте речь прежде всего идет о Швеции и Финляндии. В Испании, несмотря на рост сепаратистских настроений и активную борьбу националистов за расширение автономии Каталонии, Страны Басков и ряда других территорий, имеющих значительную специфику [Кабицкий, Рудник 2019; Баранов 2016], культурных и социопсихологических особенностей по отношению к метасмыслам «власть» и «свобода» в региональном разрезе нет. Здесь Испания выступает как совершенно унитарная страна, что, на наш взгляд, существенно снижает шансы ее превращения, рано или поздно, в страну автономий.

3. Выделяется третья большая группа стран – Украина (0,96), Швейцария (0,85), Болгария (0,67), Франция (0,43), Япония (0,28), Саудовская Аравия (0,16), Израиль (0,16), Турция (0,08), Египет (0,06), Греция (0,05), для которых индекс В/С лежит в диапазоне 0,99...0. Актуализация темы свободы имеет место прежде всего там, где существует своего рода культурное табу на десакрализацию власти, отсутствует гражданское общество в его западноевропейском понимании. Это экономические гиганты Юго-Восточной Азии (Япония, Республика Корея), арабские страны традиционного ислама, Сирия, Израиль. Про власть здесь фактически никто не спрашивает, а свободой как экзотической экзистенциальной ценностью интересоваться в Интернете никто не запрещает, поэтому и получается перекосяк в пропорциях востребованности информации. Интересен пример Турции: популярность запроса по теме «свобода» (*özgürlük*) аномально высока в провинции Ыгдыр, в то же время за 13 лет оттуда не отмечено ни одного обращения в систему по теме «власть» (*kuvvetler ayrılığı*)¹. Мы связываем этот факт с идущей здесь с момента начала конфликта в Нагорном Карабахе антиармянской пропагандистской кампанией. В Ыгдыре культурно-исторической доминантой является младотурецкий нациообразующий дискурс геноцида местного турецкого населения со стороны армян (зеркальный по отношению к армянскому варианту этого дискурса), которые до конца Первой мировой войны составляли здесь в процентном отношении подавляющее большинство, но потом при нарезке новых государственных границ в регионе были вынуждены переместиться в Армению. Именно на территории Ыгдыра находится священный символ Армении гора Арарат. Официальные армянские интернет-ресурсы постоянно подчеркивают, что гора находится вне пределов территории современной Армении временно².

¹ В Турции немногочисленные запросы по теме «власть» задаются преимущественно на английском языке. Наиболее часто употребляемая в этом контексте поисковая фраза на турецком языке – *kuvvetler ayrılığı*, что означает «разделение властей».

² Гора Арарат. – *Overland. Discover Armenia*. Доступ: <https://overlandarmenia.com/ru/gora-ararat#:~:text=Арат%20символ%20Армении%20и%20даже,которых%203925%20и%205165%20метра> (проверено 05.11.2022).

Говоря о характеристиках морфоскульптуры «власть», следует прежде всего иметь в виду, что нужно различать замеры рейтингов власти (фактически это данные, необходимые для разработки стратегий электоральных кампаний) и «скриншоты» образа власти [Романович 2019]. Последние несут важную информацию не только об образе власти как социально-политическом конструкте, но в первую очередь – о социокультурном позиционировании власти на ментальных ландшафтах различных стран, о тональности отношения людей к качеству действующих машин организации их жизни [Суздальцева 2017]. Выясняется, что производство научно осмысленных образов власти налажено достаточно хорошо: образ власти в большинстве стран мира персонифицирован и соотносится с имиджами государственных лидеров и исторических правителей. Полученные же в ходе нашего исследования результаты о потреблении смысла «власть» гражданами разных стран свидетельствуют об анизотропии ментальных ландшафтов, что необходимо учитывать в реализации расширенного политического участия с использованием цифровых технологий [Ерохина 2022], практике внешнеполитической коммуникации и в стратегическом планировании обеспечения государственной безопасности России в гуманитарной сфере.

Список литературы

- Баранов А.В. 2016. Кризис испанского «государства автономий» и радикализация сепаратистского движения в Каталонии: взаимовлияние. – *ПОЛИТЭКС*. Т. 12. № 1. С. 143-155.
- Ерохина О.В. 2022. Политическое участие в цифровом обществе. – *Власть*. Т. 30. № 6. С. 77-82. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i6.9348>.
- Кабицкий М.Е., Рудник С.М. 2019. Современный испанский автономизм: достижения, проблемы, перспективы. – *Исторические исследования*. № 12. С. 14-29.
- Николайчук И.А. 2015. *Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России*. М.: Изд-во РИСИ. 230 с.
- Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. 2021. *Потребление смыслов. Массмедиа, идеология, политика*. М.: ИКАР. 364 с.
- Романович Н.А. 2019. Образ власти в России и его базовые характеристики. – *Вестник Томского государственного университета*. № 444. С. 110-119. DOI: [10.17223/15617793/444/13](https://doi.org/10.17223/15617793/444/13).
- Суздальцева В.Н. 2017. *Образ власти в современных российских СМИ: вербальный аспект*. М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 252 с.
- Тюгашев Е.А. 2018. *Философия как социокультурный феномен*: дис. ... д. филос. н. Новосибирск. 362 с.
- Якова Т.С., Янглева М.М. 2019. *Медиагеография*. М.: ИКАР. 188 с.

YANGLYAEVA Marina Mikhailovna, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (9 Mokhovaja St, Moscow, Russia, 119019; marinapavlikova@mail.ru)

META-SENSE OF POWER IN THE MIRROR OF POLITICAL MEDIA GEOGRAPHY

Abstract. The article contains the results of a multidisciplinary analysis of such sociocultural constant (meta-sense) as «power». The author reveals new aspects of the reaction of societies to the practice of exercising political power in different

regions and countries. The analysis was carried out on the base of political media geography – a new discipline in political science, which includes the study of political and social processes in all their diversity in the system of various media spaces hierarchically and/or linearly organized. The author operates with the concept of a mental landscape, which can be considered as a way of thinking, attitude to any socially significant phenomena and processes of residents of a certain area, territory. The quantitative characteristics of big data obtained from the Google for a long period of time (more than 10 years) (the dynamics of Internet users' requests around the world, according to topics that mark the meaning of «power») are compared with the results of rank analysis and quantitative analysis of texts. The author proceeds from a new understanding of Internet bibliometrics and the active Internet behavior of individuals, which takes into account the massive interest of users in various topics. The article focuses on the phenomenon of anisotropy (diversity, non-coincidence) of mental landscapes in certain geographical locations in the context of the real power of the authorities, which is important in political and social activities and for the improvement of political technologies.

Keywords: politics, political media geography, meta-senses, power, mental landscape

---

Ли Сюй – доктор политических наук, доцент Института марксизма Восточно-Китайского университета политологии и права (Китай, Шанхай, район Чаннин, Чжун Шань Гун Юань, ул. Ванхангду, 1575; lixu1210@mail.ru)

Ван Цзянтао – доктор философских наук, старший преподаватель Института марксизма Восточно-Китайского университета политологии и права (Китай, Шанхай, район Чаннин, Чжун Шань Гун Юань, ул. Ванхангду, 1575; 63417846@qq.com)

НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ВО ВСЕМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ОТКРЫТИЯ

Аннотация. Теория народной демократии во всем процессе является не только развитием социалистической демократической политики Китая, но и новой формой современной демократической системы. Она преодолевает односторонность современной демократии, ограничивающейся избирательным звеном, и открывает новый путь демократической модернизации. По содержанию народная демократия во всем процессе проявляется как современная система управления «с полной цепью, полным этапом, полным классом и полным охватом». Она предоставляет эмпирическое вдохновение и высококачественные программы развития для стран с трудными демократическими преобразованиями.

Ключевые слова: марксизм, социализм, народная демократия во всем процессе, модернизация, государственное управление

Демократия является базисной формацией и ценностной ориентацией современных политических систем. Однако привести в соответствие инструментальные и ценностные ориентиры всегда было трудной задачей, которую современная демократическая доктрина так и не смогла решить. На протяжении длительного времени в качестве основной сущности демократической политики принималось, что назначение лидера страны происходило посредством всенародных конкурентных выборов. Отсутствие всеобщих выборов расценивается как самодержавие [Хантингтон 1998: 4]. Однако практика показала, что этот набор избирательных процедур слабо способствует экономическому росту, справедливости и счастью людей [Ван Шогуан 2008: 191].